

динства, согласно которой человек должен честно и принципиально сотрудничать с Господом в творении бытия, а не прятаться от жизненных испытаний под крылом могущественного родственника?

Очень легко через реплику Фамусова увидеть коллизии буквально современного свойства. Кому-то и сегодня могущественный родственник с «широкой спиной» помог «откосить» от армии, кого-то вопреки законам восстановил на учёбе, кто-то при поддержке очередного Фамусова выжил неугодного себе правдолюбца с работы...

Таков один из обликов двуединой религиозности. Такая религиозность как будто забывает строки «Моления о чаше» из Евангелия. Вот эти строки: «И отошёл немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты». «Моление о чаше» в стихотворении Б.Пастернака «Гамлет» звучит так:

Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.
Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идёт другая драма,
И на этот раз меня уволь.
Но продуман распорядок действий
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

В этих фрагментах Святого Писания и стихотворения Б.Пастернака двуединое и триединое сопереживания сходятся в общей лапидарно представленной нравственной ситуации. Начало представленной ситуации – двуедино. Оно нечестно, хоть по-человечески и понятно. Его суть эгоистична: облегчи участь мою по сравнению с другими, тоже страждущими: ведь ты же Отец мой!».

А вот слова «...впрочем не как Я хочу, а как Ты», как и строка «Но продуман распорядок действий...» – эмпатически триедины, честны, порядочны. В них – облик религиозности подлинной, то есть сопереживательной с Господом, не фарисейской, не ханжеской.

Завершим наше сообщение повторением того, что нами уже высказано выше. А именно: мегаидея эмпатического триединства – это не предложение, не версия, не новация кого-то из людей. Это Божья данность. Суть её в одном слове: **возлюби!** Более нежного, но и более сурового слова на свете нет. В этом слове – универсальная пащеца, условие духовного и, как следствие физического выживания цивилизации. Но не будем забывать о том, что единственным путём к воплощению призыва «возлюби!» является следование морали эмпатического триединства, то есть религиозной морали. Других путей к спасению нет.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Философский энциклопедический словарь. – М., 1997.

СТРЕЛЕЦ М.В.

доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук БрГТУ

ИУДЕИ И ХРИСТИАНЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Ряд исследователей считает началом истории евреев в Германии IV век нашей эры. К сожалению, касательно их жизни в Германии в IV – IX вв. имеется ничтожно мало достоверной информации. Доподлинно известно, что с X века еврейские семьи селились из Италии и южной Франции на Рейне, по средней Эльбе в Магдебурге и на Дунае как купцы, после того как они уже в каролингское время играли роль при дворе как странствующие купцы. К этому времени в Германии были типичными города, подчинённые епископам. Епископы Майнца, Вормса, Магдебурга, Мерзебурга и Регенсбурга в X веке благоприятствовали переселению еврейских купеческих семей, чтобы благодаря развитию над-регионального рынка придавать большее значение их кафедральным городам. Дома евреев находились в предместьях епископских замков, многократно – как в Кёльне – вблизи ратуш или торговых улиц, где происходила торговля. Еврейские общины как законченный квартал с синагогой в качестве центра появились лишь позже [1, с. 35].

Средневековое общество было обществом привилегий. Король предоставлял отдельным лицам или отдельным группам различные права, а именно привилегии; и они были для евреев вполне благоприятными. Не было правового причинения ущерба или уменьшения свободы, так что можно говорить о «далеко идущем правовом равноправии евреев с христианами» [2, с. 113], что, правда, не означало, что евреи обладали всем объёмом гражданских прав. Они не принадлежали к бюргерскому сословию. Важной привилегией было право рыночной защиты, которое разрешало еврейским торговцам, но также христианским «ломбардам» (это были привилегированные христианские купцы), возвращать поступавшее к ним краденое только без компенсации бывшим владельцам. Император Хайнрих IV, правивший в 1056–1105 гг., который в XI веке предоставил эту привилегию, прибег вместе с тем к еврейскому праву. Право рыночной защиты должно было внести вклад в экономическое развитие (епископских) городов, но, само собой разумеется, часто вело к конфликтам.

Однозначно можно утверждать, что в X и XI веках в Германии не дошло до преследований, как в южной Франции, а «господствовало добрососедское отношение между христианами и еврейским меньшинством» [2, с. 235].

К сожалению, погром крестоносцев 1096 года всё же окончил это мирное сосуществование. То, что евреи в рейнских городах не принимали всерьёз предостережения своих французских братьев по вере об армии крестоносцев, связано, пожалуй, с пережитым до того мирным соседством. Напротив, для французских крестоносцев, которые направлялись по немецким торговым улицам по Рейну на Иерусалим, евреи были «закоренелыми врагами и губителями их (. – М.С.) прибыли» [1, с. 243]. За исключением епископа Шпейера епископы рейнских городов не смогли защитить своих евреев, так же как император, который задержался в Италии. Вместе с солдатами епископа евреи оборонялись против крестоносцев, но были побеждены и либо вынужденно крестились, либо были убиты. Многочисленные мужчины и женщины лишались своих детей вследствие самоубийства насильственно крещённых, хотя это не разрешалось по строгому еврейскому религиозному закону. Они хотели так «освятить имя бога» (киддуш ха шем). Этот жестокий шаг определялся мыслью о том, что благодаря крови мучеников будет вызвано скорое мессианское возмездие; евреи чувствовали себя именно в этом 1096 году в близком ожидании мессии. 5000 евреев было убито, только в Майнце погибло 1200. Также в Вормсе была почти уничтожена община.

Когда император Хайнрих IV вернулся из Италии, он разрешил насильственно крещённым евреям вернуться в иудаизм и даже позаботился о том, чтобы они получили обратно похищенное добро. Своим указом от 1103 года он поставил евреев под свою особую защиту. Когда в 1146/1147 гг. крестоносцы II крестового похода вновь стали нападать на евреев, влиятельный монах ордена цистерцианцев Бернхард фон Клаирваукс выступил против клеветнических проповедей своих собратьев по вере и предотвратил новый погром [1, с. 111].

Тем не менее крестовые походы означали глубокое вклинивание в самосознание евреев в Ашкеназе. В мемориальных книгах было зафиксировано воспоминание о мучениках. Их имена зачитывались вслух на шабате и в праздничные дни. В литургию были введены пюкитим, пение в честь мучеников. Киддуш ха шем при всей его жестокости, которая об образцах Ветхого Завета – жертве Исаака – напоминала, показал самосознание еврейства, которое находилось в активной дискуссии с агрессивным христианством.

С XII века отчётливой становится новая (негативная) фиксация образа еврея в изобразительных представлениях. Персонафикация еврейской веры, «Синагога», всё сильнее вытесняется из священных событий: представляется, что свиток закрывает её глаза, что должно означать, что евреи не признают обетованного в их собственном писании Христа, и, как следствие, они отвергнуты ангелом. К их атрибутам причисляют повязку на глаза (ослепление), бычий хомут, ярмо (ярмо закона), падающую корону (венец) и сломанное знамя (утрата обладания спасительностью), а также отщупание в преисподней (близость к сатане). До XIII века это было, прежде всего, понятно интеллектуалам, то есть духовным лицами, так как эти изображения имелись только в рукописях и в предметах культа. Всё же с XIII века подобные изображения находят среди фигурных украшений церквей, так что простой народ также познакомился с этой символикой. Еврейство должно было отвечать на эту полемику, разумеется, не изображениями – это противоречило библейскому запрету на изображения. Поэтому оно сконцентрировалось на полемических сочинениях [2, с. 155].

Еврейство, пожалуй, всегда обладало, по христианской оценке, чем-то привлекательным. В качестве контрстратегии в его адрес были выдвинуты два обвинения, которые были обнародованы в XIII веке и имели своим последствием многочисленные погромы: упрёк в ритуальном убийстве и ложное приписывание осквернения гостии. Первое покоилось на широко распространённом суеверии, что евреи нуждаются для своего культа в крови христианских детей, второе – на представлении, что евреи в своей синагоге на освящённой гостии благодаря булавочному уколу осуществляли распятие Христа. Считалось, что они доставали освящённую гостию у вероломных христиан. В Германии упрёк в ритуальном убийстве появился в 1234/1235 в Лауде и Таубербишофсхайме и привёл в 1236 году к уничтожению 34 живших там евреев. Император Фридрих II, который тогда остановился в Германии, создал комиссию, которая оправдала евреев по отношению к обвинению в ритуальном убийстве. Также папа Иннокентий IV, правивший в 1243–1254 гг., издал в 1247 году по просьбе евреев буллу, в которой осудил эту ересь. В письме, которое было направлено германским епископам, он указывает среди прочих на экономический мотив, который стоял за начавшимися под упрёком о ритуальном убийстве погромами: «несправедливо и богатства грабить и себе присваивать» [1, с. 333]. Были ли епископы для этого правильными адресатами, остаётся, по крайней мере, сомнительным, если например, один из этой группы, архиепископ Магдебургский, в 1261 году инсценировал нападение на евреев, чтобы вымогать у них деньги. Несмотря на папскую буллу (она была ещё раз выдана в 1274 году папой Григорием X, правившим в 1271–1275 гг.), этот ложный тезис не был преодолён, а, так сказать, институционализировался благодаря созданию культовых мест и связанных с ними паломничеств, которые сохранились до XX века. В Германии это был культ «добротного Вернера» в Оберурзеле на Рейне. Базируясь на этом культе, предполагалось уничтожить евреев в пасху 1287 года, что привело к преследованию в 22 местах на среднем Рейне, которое стоило жизни 321 еврею. Погромы, которые потом, прежде всего с 1300 по 1350 гг. опустошали или уничтожали еврейские общины, не были больше локальными преследованиями, а охватывали крупные регионы.

В первой половине XIV века отягчающие социальные проблемы тесно слились с религиозными мотивами. Империя, как и вся Западная Европа в целом была охвачена продовольственным кризисом, вызванным ухудшением климата. К этому добавились войны за престолонаследие, серьёзные проблемы в сфере денежного обращения, а также упадок нижнего слоя дворянства. Всё это создало именно такой социальный климат, который позволял делать из евреев козлов отпущения. Первая крупная волна преследования происходила в 1298 году из городка Рёттингена-Таубере. Крестьянские и городские нижние слои под руководством, принадлежавшего к нижнему слою дворянства, известного под именем Ринтфляйш, потянулись как «юденшлегеры» («убийцы евреев») через всю страну. Эти банды убийц покрывались представителем высшего дворянства Карлом фон Гогенлоз, может быть, даже королём Адольфом

фон Нассау (правившим в 1292–1298 гг.). Бандиты лживо обвиняли евреев в осквернении гостии. Важно обратить внимание на выборочную статистику соответствующих убийств во Франконии: в Рёттингене – 21 человек, в деревне Хирнхайм – 26, в Ротенбурге-на-Таубере – 470, в Нюрнберге – свыше 700, в Вюрцбурге – свыше 800. Это означало, что в данных франконских городах еврейские общины были почти уничтожены. Всего количество жертв этого погрома, который распространился от Франконии до верхнего Пфальца, а также на Швабию, Гессен и Тюрингию, достигло почти 5000. Преследуемые евреи в ходе этого, несравнимого по масштабам с предыдущими, погрома не получили никакой помощи ни от светской, ни от духовной стороны. Лишь когда король Альбрехт I, правивший в 1298–1308 гг., победил своего соперника Адольфа фон Нассау, он смог в сентябре 1298 года покончить с убийствами.

Новый погром разразился вновь через четыре десятка лет в 1337/1338 гг., когда вновь отчётливо проявились кризисные моменты и потребовали высокой кровавой дани от еврейских общин. На этот раз толпы крестьян под руководством обедневшего дворянина, которого они называли королём армледеров, с убийствами и грабежами потянулись через Франконию. Обозначение этого бандита как короля убедительно свидетельствует о дестабилизации в соотношении общественных сил. Имя «Армледер» делает его бедность отчётливой. Было очевидно, что он был не в состоянии обеспечить себя металлическим вооружением. На этот раз бунты и погромы достигли Эльзаса. Всего ими было затронуто 65 еврейских общин. То, что в Китцингене и Вюрцбурге городской верхний слой совместно с вюрцбургским епископом Отто фон Вольфскелем противостоял толпе и обратил её в бегство, скорее, пожалуй, можно оценить как попытку, воссоздать упорядоченные отношения, так как этот слой видел в сложившихся отношениях угрозу собственному господству. Король Армледер, подлинное имя которого Арнольд фон Уиссигхайм, был в Китцингене казнён. На его надгробной плите можно разглядеть меч на его горле. Позорный акт его смерти всё же не препятствовал жителям Уиссигхайма устроить его отпевание в церкви и почитать его как «блаженного Арнольдуса». Остриё меча на его шее придало ему ореол мученика. То, что поступок вюрцбургского епископа Отто фон Вольфскеля имел мало общего с защитой евреев, показывает его последующая попытка с помощью папы Бенедикта XII, правившего в 1334–1342 гг., по существующему церковному праву избавить Арнольда фон Уиссигхайм от вины в отношении евреев [1, с. 234].

Общественная дестабилизация этой эпохи была усилена в 1348 году благодаря появлению чумы. При этом страх перед эпидемией был меньшим, чем невероятная жадность по отношению к богатствам, которая охватила все сословия, начиная от патрициев и дворянства. При этом свидетельские источники документируют весьма рациональный подход. Городские власти вполне осознавали, что неограниченная ярость черни могла также угрожать их собственному господству. Так, например, совет в Кёльне вёл переписку с советом в Страсбурге в январе 1349 года о том, что преследование евреев могло привести к народному восстанию. Кёльнский совет поэтому попытался предотвратить выступление против немцев, тем не менее спустя полгода стал реальностью погром, жертвой которого пала еврейская община. Другие советы, как например, в Эрфурте, вели двойную игру. Так, влиятельные члены совета обогащались благодаря погрому, но позднее наказывали зачинщиков погромов с формулировкой «из-за скопления лиц в публичном месте с целью совершения противоправных действий», но не из-за нарушения еврейской защиты, которая вменялась в обязанность городским властям. Эффективную защиту евреи получили, пожалуй, только в имперском городе Регенсбурге, где 250 наиболее авторитетных граждан города совместно с бургомистром и советом встали на защиту евреев. Поэтому еврейская община осталась нетронутой.

Чумные погромы волной распространились через весь рейх. Они начались в ноябре 1348 года в Швейцарии, в ноябре/декабре 1348 года перекинулись на Швабию, Баварию, Эльзас и Пфальц. В 1349 году были уже затронуты северная Германия, Гессен, на востоке – Силезия и Австрия. Всё же не во всех местах, в которых имелась еврейская община, происходили погромы. Засвидетельствовано 85 погромов на все 350 коммун с еврейскими жителями. События во многих городах не свидетельствуют о том, что появление эпидемии и связанного с нею обвинения евреев в отравлении колодцев находились в тесной связи. В Базеле, Страсбурге, Шлеттштадте и Констанце дело дошло до погромов задолго до начала чумы, в других городах, например Нюрнберге, погромы происходили без того, чтобы в городе появилась чума. Здравомыслящие современники, такие как минденский доминиканец и хронист Хайнрих фон Херфольд утверждали, что тезис о том, что «евреи всюду на земле преступно и по злому умыслу травили колодцы», всё же недостоверен [1, с. 299]. Он видел в жестоком и бесчеловечном наступлении огнём и мечом против женщин мотив присвоения весьма больших богатств и сравнивал происходящее с уничтожением тамплиеров, храмовников. В своём родном городе Миндене он мог наблюдать, как евреи были посланы на смерть. При этом он сделал интересное наблюдение: «На смерть они спешили всё же радостно и исполняя танец, при этом они сначала детей, потом женщин, наконец, самих себя предавали пламени, вследствие этого не могло быть оснований обвинять евреев в проявлении некоей человеческой слабости» [2, с. 302]. Итак, повторился киддуш ха-шем крестовых погромов 1096 года, чья традиция осталась живой 250 лет и даже была доверена христианскому наблюдателю. Ему показалось интересным, что «давно утерянные драгоценности и многое единственное в своём роде, которое словно было забыто, ... были выявлены в их архивах» [2, с. 302]. При этом речь, пожалуй, не шла о не сдержавших слово заложниках. Так как в денежных операциях евреев с XIII века всё сильнее присутствует залоговая торговля, которая предполагала денежную ссуду сдающим в залог, в круг которых включались отныне также широкие слои населения. Как и Хайнрих фон Херфольд, другие современные хронисты делают алчность христианских граждан ответственной за убийства евреев: Это (деньги) было ядом, который убивал евреев» – замечал страсбургский хронист Якоб Твингер [1, с. 166]. Папа Клеменс VI, правивший в 1342–1352 гг., выступил из Авиньона против обвинений в отравлении колодцев и лжи о ритуальных убийствах. Он одновременно бросал упрёк духовным и светским властям в Германии, Фландрии, Брабанте за то, что они нерешительно действовали по отношению к появив-

шимся к тому времени флагеллантам (членам секты хлыстов), так как последние «стремились к тому, чтобы повсеместно уничтожить евреев» [1, с. 188]. Флагелланты своими самобичеваниями, правда, внесли свой вклад в повсеместное проявление эмоций, но как можно предположить из письма папы, не они были зачинщиками погромов. Все социальные группы, по-разному в отдельных городах участвовали в погромах. В территориальных государствах были властители как представитель династии Веттинов Фридрих II Саксонский, которые предписывали убийство евреев, чтобы гарантировать свою власть. Другие, как Альбрехт II Австрийский, напротив, принимали решительные меры по отношению к восставшим и защищали евреев от дальнейших преследований. Но император Карл IV – как мы видели – выступил в защиту евреев не так решительно. Он стал в стремлении к обеспечению своей власти «тихим участником мерзости» [1, с. 175].

Во время чумных погромов было уничтожено приблизительно 300 общин, поселенческое постоянство было прервано в большинстве городов; лишь для 58 мест это постоянство было подтверждено. Но они находились не в центре, а на периферии империи, как например, в Богемии и Моравии. Многие из переживших погромы эмигрировали в северную Италию и Польшу, небольшая группа направилась также в Святую Землю.

Чумные погромы 1348/1350 гг. означали важную цезуру в истории евреев в Германии. Историк Альфред Хаверкамп справедливо говорит о «глубокой борозде в истории германского еврейства от начала поселения до национал-социалистического «окончательного решения» [2, с. 222].

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Müller, Karlheinz/Wirstadt, Klaus (Hg.). Geschichte und Kultur des Judentums. – Würzburg, 1988. – 564 S.
2. Toch, Michael. Die Juden im mittelalterlichen Reich. – München, 1998. – 432 S.

ХАРЧЕНКО О.П.

старший преподаватель кафедры всеобщей истории УО «БрГУ имени А.С.Пушкина»

РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Интерес к деятельности религиозных конфессий в Беларуси в различные периоды истории все больше привлекает внимание общественных наук. Дело в том, что в Беларуси, особенно в ее западных районах, исторически складывались полиэтничное и поликонфессиональное общество. Бок о бок с титульной народностью (нацией) – белорусами – проживали поляки, литовцы, евреи, русские, татары и многие другие. Извечной специфической особенностью истории Беларуси, был стык таких двух культурных слоев, как византийский и латинский, фактор, оказывающий до сих пор огромное влияние на многие стороны общественно-политической, культурной жизни народа, межнациональные и конфессиональные отношения.

Социальная и политическая борьба, после Октябрьской революции 1917 г., шедшая под лозунгом освобождения общества от эксплуатации, от насилия государства, объединяла в революционном порыве не только рабочих, но и крестьян. Смена монархического строя республиканским предполагала дать больше возможностей для деятельности Церкви. Прежде всего – предоставить свободу исповедовать религию и верующим, не только членам Русской Православной Церкви (РПЦ), но и другим религиозным объединениям, возможность управляться в церковной жизни не светской, а духовной властью, собираться на представительные соборы, выбирать своего духовного главу. Однако новая власть, положив в основу своей деятельности общественные и политические теории, выработанные в кабинетах ученых-материалистов и идеологов классовой борьбы, стала проводить их в жизнь силой. Религия и все то, что с ней связано – будь то храм, культовое действие, либо верующий, оценивались большевиками негативно, исключительно по одному признаку – религия выполняла роль идеологии, направленной на укрепление эксплуататорского строя.

Гонения на католиков в СССР являлись составной частью общей государственной политики в отношении с религиозными организациями. Если богоборческая власть вела особенно упорную борьбу с РПЦ как основой духовного сопротивления, то с 1929 г. под молот жесточайших гонений попали все конфессии [13, с. 29]. Судьба Католического Костела, как и ПЦ, в СССР была достаточно трагичной. По данным, составленным в 1936г. могилевским католическим епископом Неве, из 853 католических священнослужителей в СССР осталось 16, более 300 епископов и ксендзов были расстреляны, действовало только 30 костелов и каплиц [19, с. 303]. В 1938 г. Костел был ликвидирован как институт публичной жизни: исчезли парафии, были закрыты храмы, за исключением двух французских приходов – Святого Людовика в Москве и Пресвятой Богородицы Лурдской в Ленинграде. Обе церкви сохранились лишь потому, что числились как учреждения Французской Республики, а советская власть пыталась сохранить добрые отношения с Францией [16, с.161]. Ни один местный католический ксендз, если даже не находился в тюрьме или в лагере, не имел уже права в это время заниматься пастырской деятельностью.

В результате политических и военных действий советских властей в 1939–1940 гг. государственная граница СССР была отодвинута на запад: в состав СССР вошли западные области Беларуси и Украины, были присоединены страны Прибалтики, Бессарабия, Северная Буковина. Безусловно, что события 17 сентября 1939 г. явились важной вехой в истории Беларуси. После вхождения Западной Беларуси в состав СССР главной заботой советского партийно-роководства являлась унификация этой территории в административном, экономическом, финансовом, социальном